

Копирование,
тиражирование и распространение
материалов, содержащихся в книге, допускается только
с письменного разрешения правообладателей.

ЕЛИЗАВЕТА ШУМСКАЯ

СТАРЫЙ ЗАМОК

ХОЧЕТ
ПОИГРАТЬ

N SUGAR
BOOKS

Москва
2024

ПРОЛОГ

Гонцов с королевскими эмблемами в дворянских поместьях встречали по-разному. Везде они зачитывали один и тот же текст, но реакция на него почти всегда отличалась.

Гостиная первая.

Уютная, даже изящная, она оказалась именно такой, какой ее можно представить, глядя на двухэтажный особняк в центре респектабельного квартала. Здесь хозяйка разговаривала с гонцом сама, даже слуг выставила. А когда он ушел, долго сидела в оцепенении, пока наконец не прижала пальцы правой руки к все еще красивым губам и не выдохнула:

— Шанс... — почти теряя сознание от облегчения, прошептала она. — Это шанс.

Гостиная вторая.

Здесь не стали дожидаться ухода гонца. Стоило ему дочитать указ короля, как девушка в платье с многочисленными оборками — старшая из трех

сестер-погодок — вскочила и с восторгом выпала:

— Женихи!!!

Гостиня третья.

Немолодого курьера с тяжелой солдатской поступью проводили в кухню для слуг. Хозяйка лично проследила за тем, чтобы служивого накормили и устроили. А потом вернулась в залу, где ее ждали члены семьи и некоторые соседи, чтобы услышать злое и нервное:

— Они нас ищут! Ищут! И не успокоятся, пока не найдут!

Возражать хозяйка не стала: она пришла к такому же выводу.

Гостиня четвертая.

В этом зале отец семейства высказал немало отвратительного курьеру, словно не понимал, что тот ничего не решает. Хозяин дома кричал и злился, ибо с легкостью читал на лицах детей мысль, завладевшую всем их существом. «Свобода! Свобода!!» — вот, что светилось в глазах отпрысков. И он ничего не мог с этим поделать.

Гостиня пятая.

Пока гонец читал указ, ему казалось, что он находится в этой большой, почти пустой комнате совершенно один — такая стояла тишина. Ее не нарушили ни шорохом, ни словом, ни вздохом.

А потом мать семейства заплакала. Невероятно тихо, почти беззвучно.

— Мясо для стрел, — прошептала она. — Мясо для стрел...

Гостиная шестая.

Гонец давно уже покинул комнату, стремясь быстрее унести ноги от разлитого в воздухе предгрозового безмолвия, когда все замирает, страшись гнева стихии. И этот гнев, словно еще далекий, рокочущий гром, прогремел в голосе заговорившего:

— Они собирают заложников.

Письма, доставленные в эти и многие другие поместья, конечно, были разные, но текст их не разнился ни на букву:

«Указ от 4 червеня 8755 года.

О сборе на учение в Окатавскую Магическую Академию отроков дворянских фамилий из Летних¹ земель.

Памятуя о бессмертных во славе и деяниях предках наших, героях-спасителях славного нашего Отечества, ратуя о продолжении их славных дел и заветов, созы-

¹ Королевство Ланьберг состоит из четырех крупных княжеств — Летние, Зимние, Осенние и Весенние земли, а также ряда королевских (условно независимых) городов и территорий.

ваем в Окатавскую Магическую Академию отроков всех дворянских семей, проживающих в Летних землях, возрастом старше пятнадцати и младше двадцати четырех лет обоего полу, имеющих магические способности любого свойства, будь то хоть ведьмовство, хоть волхование, хоть дар слабый, хоть чародейство сильное. От каждой семьи дворянского звания к первому числу вересеня требуется прислать одного из детей, рожденных в браке, но еще не состоящих в нем. Для содержания в Академии оных всемилоостивейше мы определили довольную сумму денег, дабы ни в чем никакого недостатка быть не могло. Надеемся мы несомненно, что все наши верноподданные, видя столь многие наши об них попечения, присылать станут детей своих, в службу нашу и во славу отечества.

Милостью Лунной Королевы и Лунного Короля правитель и король земли Ланьбергской Эдмунд IV».

Простым языком сие означало, что от каждой дворянской семьи к первому числу осени требовалось прислать на обучение одного магически одаренного ребенка, причем бастарды и приемшиши не подходили. Государство брало на себя все расходы на обучение, из чего следовало, что

потом придется эти деньги отрабатывать. Больше всего родителей волновал вопрос — зачем королю потребовалось столько магов на службе?

Они предполагали разные причины, и многие оказывались правы. Но была еще одна, о которой не догадался никто из непосвященных в разговор, произошедший в одном из самых богатых домов столицы:

— Мы должны найти его! Должны! Еще немного — и будет поздно! — Солидный мужчина с тяжелой золотой орденской цепью выглядел испуганно и решительно одновременно. Он знал, какие предприняты действия для выполнения его требования, но все казалось недостаточным. Время утекало сквозь пальцы тонким, почти невидимым песком, но сомнений не оставалось — они подошли к опасной грани.

— Он точно будет в Академии, иначе и быть не может. Осталось только опознать, — подал голос другой, не менее солидный мужчина с худым скуластым лицом урожденного аристократа. — Причем желательно еще на подступах.

— Вряд ли за этим станет дело, — хлопнул по столу высокий стройный красавец средних лет с орденами на парадной форме. — Он обязательно себя выдаст. Надо только не пропустить...

ГЛАВА 1

В светло-зеленом особняке по адресу улица принцессы Евгении, 19, что в городе Тишкольце, редко повышали голос даже слуги. В семье барона Орманди не принято было громко выражать свои чувства и уж тем паче недовольство. Потому скандал между хозяевами дома потряс всех — от приходящих слуг до обоих детей.

Никогда — никогда! — еще Леа не слышала, чтобы родители так кричали друг на друга. Она даже не подозревала, что подобное возможно в принципе. Отец... тот да, порой позволял себе ругаться, но всегда речь шла о ком-то вроде нерадивой прислуги или подчиненных на службе. Но мама... баронесса Орманди, в девичестве Силвэйн Варади, отличавшаяся изяществом черт и манер, изысканным вкусом в одежде и сдержанным достоинством, никогда не повышала голос на слуг, детей или торговцев. Ей и не требовалось. Улыбки, слов или, в зависимости от ситуации, нахмуренных бровей ей всегда хватало. И теперь она... кричит? Кричит на мужа? Уму непостижимо.

Скандал, разразившийся три дня назад, никак не утихал. Начался он с разговора в кабинете отца и быстро перешел в крики, так напугавшие живущих в доме. Ссора хозяев висела грозным облаком тишины во время совместного ужина — ритуала, неукоснительно соблюдавшегося в семье. Продолжилась злым шепотом в спальне супругов, давно уже поделенной на две половины — мужскую и женскую. Скандал грянул с новой силой, от которой отец ушел, хлопнув дверью, перед этим глянув на домочадцев как на врагов. Баронесса же поднялась к себе и долго горько плакала, чем привела всех просто в ужас. Причем самое страшное, что все продолжилось и на следующий день.

Даже сейчас, презрев все запреты и правила, которые должна соблюдать юная дворянка, Леа сидела на верхней ступеньке лестницы на второй этаж и слушала ругань родителей, пытаясь понять, что же произошло. Что случилось и что теперь делать?

Она раз за разом перебирала события последних дней, но никак не могла понять, что стало причиной такого ужаса. Вроде же все как всегда... Еще утром того страшного дня во время завтрака отец был спокоен, читал газету, привычно молчал и лишь периодически негодуяще фыркал на какую-нибудь очередную глупую статью. Мама тоже вела себя как обычно. Первым ушел Натан: брат учился на правоведа, как и отец когда-то, но нос задирал, будто это гвардейский полк. Отец —

чуть погодя, но он все такой же, как обычно. Значит, утром третьего дня все еще было нормально. А вот вечером — уже нет. Тогда-то все и началось.

Леанора несколько раз пыталась подойти к матери, что-то узнать от нее, как-то помочь, но та лишь обнимала ее, плача, прижимала к себе, а потом просила уйти. В какой-то момент, не выдержав напряжения, девушка попробовала задать вопрос отцу, но он глянул на нее так, что язык просто примерз к гортани.

— Пошла... в свою... комнату, — протолкал он сквозь гортань. — Еще раз увижу...

Барон не договорил, но Леа взлетела на второй этаж быстрее птицы и после еще час дрожала за закрытой дверью. В том взгляде была ненависть, такая сильная, что Леанора запомнила ее навсегда.

— Отец выдает тебя замуж за Акоса Жакаба, — Натан сел рядом на ступеньку и ухмыльнулся в ошарашенное лицо сестры.

— Что?! — девушка не могла подобрать слов. — Он же... Они же друзья детства! Он же... я же... в дочери!

— И в молодые жены тоже очень даже, — засмеялся юноша. — Говорят, в такие годы мужчины еще о-го-го. Не пройдет и года, как понесешь... Будет у тебя много-много маленьких жакабчиков!

Натан засмеялся, считая это первостатейной шуткой, а Леаноре показалось, что ее мир

рушится. Замуж за этого старого скрюченного чинушу? Они росли с отцом вместе, но тот — маг, а Акос Жакаб — нет, и он уже... старик! Лунная Королева, за что?

— За что... — невольно повторила Леа.

— Вот и мне интересно... — протянул Натан.

«Но как же так?..» — она не могла понять, что подвигло отца на столь жестокий поступок. Ведь подобный брак — бесспорный, явный мезальянс. Более того, его не поймут в обществе, не осудят, но заподозрят, что дело неладно. А дело и было неладно! Но... в чем? Про себя Леанора точно знала: она не потеряла чести! Ни один мужчина не касался ее в запретных местах! Да что там, она даже не целовалась! Так почему?! Что такого она сделала, что отец...

Девушка вскочила и побежала в свою комнату под насмешливое улюлюканье Натана. И от этого стало еще обиднее. Сколько раз ей приходилось вот так, как сейчас, прятаться, покидая поле боя проигравшей, глотая слезы от его насмешек и обидных шуточек в своей «норке», как называл ее брат. Каждый раз казалось, что горче обиды еще не было, но как же смешны теперь стали эти поводы. Однако Леа всегда думала, что, несмотря ни на что, брат — за нее. Ведь потом он приходил, приносил конфеты, игрушки или ленты, отводил в какое-нибудь интересное место или устраивал конную прогулку. Не извинялся, нет, но давал понять, что погорячился, сказал то, что не должен был. Натан умел быть обаятельным и держать

свой злой язык на привязи. Но одно дело детские ссоры с глупыми поводами, а другое дело — замужество. Неужели ему смешно? Неужели он позволит отцу?..

Позволит, вдруг поняла Леа. Брат никогда не перечил отцу. Всегда соглашался с ним и вообще во всем старался заслужить его одобрение. Поэтому в детстве самой страшной угрозой было «расскажу папе». Причем сама Леанора на это не решалась. Она бежала к маме, а если уж та считала, что сын перешел границы... Неужели теперь Натан празднует избавление от сестры? Да нет, не может быть...

— Она выйдет за Акоса Жакаба, и точка. — Скандал продолжился утром, и у Леа пропали какие-либо сомнения в том, что Натан сказал правду. — Я тут хозяин, и я буду решать. А если...

Девушка в очередной раз за эти дни почувствовала, как слезы подступают к глазам. Как так-то?! Нет! Так не будет! Она рывком вскочила и бросилась вниз. Отец уже стоял в коридоре, натягивая перчатки.

— Папа! Я... — Леа схватила родителя за руку, как в детстве, желая привлечь его внимание, вызвать умиление, то тепло, которое пусть редко, но получала от него.

Внимание привлечь ей удалось. Вот только никакого тепла во взгляде барона не светилось. Он с брезгливой яростью отцепил ее руку, сжав запястье до боли, и буквально отшвырнул от себя.

Леа отшатнулась, а Геллерт Орманди презрительно оглядел ее с головы до ног, будто впервые увидев.

— Приведи себя в порядок. На церемонии ты будешь выглядеть прилично, даже если мне придется весь предыдущий день тебя пороть.

— Геллерт! — Силвэйн появилась из гостиной с покрасневшими глазами. — Что ты себе...

— Как же вы обе мне осто... — он махнул рукой и вышел.

— Мама! Мама... что же делать? — Леа плакала, чувствуя, что больше не может выносить этого всего. Как все так получилось? За что? — Мама...

— Тише, тише, детка, — Силвэйн сама еле удерживалась от слез, но материнский инстинкт заставил ее обнять дочь, погладить по темным волнистым волосам, отвести в гостиную, напоить чаем, а потом отправить в комнату. Тут уж не до гимназии...

— Я что-нибудь придумаю... — шептала баронесса Леаноре и уже на лестнице повторила: — Я что-нибудь обязательно придумаю. Лунная Королева не оставит, не отдаст мою...

В этот момент в дверь заколотили.

— Именем короля! Именем короля!!!